

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-242-244

© *Е. Е. Дмитриева*

ДИАЛОГ Н. В. ГОГОЛЯ С СОВРЕМЕННОКАМИ, ИЛИ КАК СОВМЕСТИТЬ ИДЕАЛ ГУМАНИЗМА И АСКЕТИЗМА*

Елена Ивановна Анненкова давно известна в интеллектуальной среде как историк литературы, умеющий тонко, умно и вместе с тем прозрачно говорить о сложнейших проблемах русской истории и общественной мысли. Там, где другой исследователь будет скорее отстаивать свою точку зрения, солидаризуясь с той или иной идеологической позицией, Е. И. Анненкова предпочитает рассматривать проблему в ее, казалось бы, неразрешимой противоречивости, давая право на жизнь разным возможным интерпретациям и разному пониманию. Это качество ее критической мысли в полной мере сказалось и в недавно вышедшей монографии «О Гоголе в историко-литературном контексте» (2023).¹ Название одновременно и точное и немного лукавое. Поскольку автора, конечно же,² интересуют прежде всего «Выбранные места из переписки с друзьями», один из самых, если не самый сложный, плохо понятый или вовсе не понятый текст Гоголя, воспринятый и воспринимаемый многими как своего рода «нормандская дыра», остановка или даже провал в творческом пути Гоголя, в котором, однако, Е. И. Анненкова видит тот самый стягивающий воедино «большой, общий узел», где «ни одно колесо не должно оставаться как ржавое и не входящее в дело», о чем сам Гоголь писал в «Театральном разезде», формулируя свое требование к современной драме.³

Так и собранные в единую книгу квазирельные, но в первую очередь литературные и фи-

лософские письма «Выбранных мест» (и не случайно в монографии они сопологаются с «Философическими письмами» П. Я. Чаадаева (с. 364)) в интерпретации Е. И. Анненковой — и читатель по мере чтения глав книги (а их всего 20) проникается пониманием этого — есть не подчеркивание всего предыдущего и последующего, что написал Гоголь, но, напротив, развитие того, что имманентно присутствовало уже в самых ранних текстах, начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Среди других гоголевских текстов, ведущих к «Выбранным местам», отдельно выделяется «Рим» (глава «„Рим“ и „Выбранные места из переписки с друзьями“»), так называемый петербургский цикл (глава «„Выбранные места из переписки с друзьями“ как антипетербургский проект Гоголя») и его записные книжки (глава «Записные книжки Гоголя. Материя жизни и творчества»). Хотя главным, пусть иногда и кривым зеркалом «Выбранных мест» оказываются «Мертвые души», в особенности второй, незавершенный их том. Наблюдениями над взаимоотражениями этих двух текстов наполнены страницы монографии, и они позволяют глубже и неожиданнее проникать в возможные интенции Гоголя, сокрытые то за учительной интонацией «Выбранных мест», так раздражившей многих, то за изысканным художественным слогом поэмы, позволяющим читателю пройти мимо проблем онтологического свойства, столь для писателя важных.

Если «Выбранные места» вступают в монографии Е. И. Анненковой в диалог с другими произведениями Гоголя, то в не меньшей степени реконструируется автором их диалог с современниками и современностью (что, собственно, и оправдывает вторую часть заглавия монографии), причем не только с конкретными авторами, но и с жанрами (например, с жанром дружеского послания (с. 210–211)), идеологемами и проч. Нищенство и богатство на фоне историко-культурной и религиозной традиции, богатыри, бродяги и странники в гоголевском и славянофильском понимании, феномен красоты в народной словесности и в понимании Гоголя, телесное и духовное в традиционной народной культуре и в прозе Н. В. Гоголя — все

* Анненкова Е. И. О Гоголе в историко-литературном контексте. СПб.: Росток, 2023. 536 с.

¹ Е. И. Анненкова — автор книг «Гоголь и декабристы» (1989), «Аксаковы» (1998), «Путеводитель по поэме Н. В. Гоголя „Мертвые души“» (2010), «Гоголь и русское общество» (2012), «Константин Аксаков: Веселье духа» (2018).

² Е. И. Анненкова — один из комментаторов, готовивших «Выбранные места из переписки с друзьями» для нового академического Полного собрания сочинений Н. В. Гоголя.

³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1949. Т. 5. С. 142.

эти идеологемы, соответственно вынесенные в заголовки глав монографии, позволяют по-новому структурировать мысль Гоголя, явленную и в «Выбранных местах...», и в других его произведениях. Они-то и сообщают ей тот необходимый историко-литературный контекст, без учета которого любой, будь то читатель или исследователь, рискуемо поддается искусству односторонности, от которой в свое время так предостерегал В. Ф. Одоевский, и об этом тоже говорится в монографии (с. 108).

Круг собеседников, они же — оппоненты, союзники и соперники Гоголя — достаточно четко очерчен. На некотором отдалении фигурируют в монографии имена А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна, занимавшихся, подобно Гоголю, «поиском идеальной общественной системы» в первой половине XIX века (с. 368–370; глава «Страхи и ужасы России»). Но главные гоголевские собеседники, с которыми вот уже два неполных века Гоголь ведет незримый диалог, — соплеменники: протопоп Авакум, декабристы (глава «Осмысление итогов жизненного пути») — и среди них в первую очередь Г. С. Батеньков, «более всего занимающий и интригующий» автора (с. 10), славянофилы, и из них поздний И. С. Аксаков, по-видимому особо близкий не только сознанию Гоголя, но и автору монографии (ему, чье имя постоянно появляется на страницах книги, посвящена и отдельная глава «Гоголь и Иван Аксаков: „беспрерывная внутренняя переработка“ как фактор творчества»). Но конечно же, основной собеседник и он же оппонент — А. С. Пушкин. В литературе уже немало сказано об отношении этих двух столпов российской словесности, отношений, сублимировавшихся в известном скетче Д. Хармса о спотыкающихся друг о друга Пушкине и Гоголе. Но здесь Е. И. Анненковой тоже удается сказать *свое*, очень нетривиальное слово.

В четырех главах, так или иначе посвященных дуэту Гоголя с Пушкиным и его эпохой («Наука жизни в художественном сознании Гоголя и литераторов пушкинского круга», «„Всё — не только самая правда, но еще как бы лучше ее“ (тайна единства этического и эстетического в творческом сознании Пушкина и Гоголя)», «„Клеветникам России“ в пушкинском и гоголевском контекстах», «„Я возмужал среди печальных бурь...“ (о теме духовного возмужания и формах ее воплощения у Пушкина и Гоголя)», Е. И. Анненковой удастся найти точки схождения в том, что внешне и на первый взгляд представляется как несопоставимое. Казалось бы, «гоголевский монахенризм, обособленность, поиск монастырского уединения противоположны (если не противостоят) общности пушкинского круга: гоголевская серьезность, нацеленность на осуществление определенных задач исключают ту атмосферу свободы (бытовой, творческой, бытийной), которую создавали и поддержива-

ли поэты пушкинской поры» (с. 209). Но при этом гоголевская «Переписка с друзьями» не только вызывает ассоциации с жанром дружеского письма и дружеского послания пушкинской эпохи, но обладает еще и «редкостной» религиозной «общительностью», сближающей ее с «художественной общительностью» Пушкина.⁴ Неожиданно объединяет Гоголя и Пушкина (и его окружение) также и поиск «науки жизни» (формула, появляющаяся во втором томе «Мертвых душ», но определяющая, по сути, все содержание «Выбранных мест»). Казалось бы, что может объединять пушкинский круг, с его недоверием к иерархическим, упорядоченным формам жизни, с исканиями Гоголя. Но не есть ли наука дружбы, нравственного совершенствования, эстетической отзывчивости, культивируемых в пушкинском кругу, — та же наука жизни, которую так страдал Гоголь. И на этом фоне мечты Манилова о хорошем соседстве, Чичикова о радости дружеского взаимопонимания и даже чуть ли не слезы Плюшкина об «однокорытнике» предстают как результат не только иронической, но и серьезной мысли автора «Мертвых душ» (с. 212–213).

Из перечисленных «пропушкинских» глав некоторое возражение вызывает, пожалуй, глава «„Клеветникам России“...» — прежде всего в той ее части, что посвящена «осмыслению функциональности слова» (с. 246), позволяющей сблизить Гоголя с Пушкиным. Если для Гоголя умение «удержать» слово, обращаться с ним честно и не произносить «в те поры, когда <человек> находится под влиянием страстных увлечений», действительно, первостепенно (с. 245), то видеть в пушкинских строках «О чем шумите вы, народные витии? Зачем анафемой грозите вы России...» сходный посыл несколько рискованно. Думается (хотя это мое частное мнение), что в строках этих не стоит искать эмблематического подтекста, отразившейся в них будто бы «проблемы слова» и его предназначения как «выражения мирозерцания, восходящего к святоотеческому преданию» (с. 246). Как и не стоит приписывать Пушкину осознание «онтологического несходства России и Запада» (с. 243). В данном случае можно перефразировать очень справедливые слова самой Е. И. Анненковой, сказанные ею, правда, в другом контексте и не о Пушкине, а о Гоголе: подобное прочтение «под каким-то одним углом зрения вряд ли продуктивно» (с. 200).

Но здесь мы переходим к главному: к тому, что составляло проблему, бесконечно решаемую самим Гоголем, и что, не будучи вынесено в заглавие обсуждаемой книги, составляет, как представляется, ее главную тему и заботу. Собственно, об этом мы читаем уже на первых

⁴ Здесь Е. И. Анненкова солидаризуется с мнением В. А. Грехнёва (с. 210).

страницах, в предуведомлении «От автора»: «Гоголь совершал свой эволюционный — и эстетический и духовный — путь, на каждом этапе которого хотел бы учесть и даже умножить многоликие возможности искусства, а также сохранить „необъятный простор христианства“. Его собственное слово принимало форму устного народного сказа, могло выразить „невыразимое“ романтического сознания, стать учительным, опирающимся на неисчерпаемый запас библейского и святоотеческого опыта. <...> Однако и „всякая всячина“ жизни до последних дней занимала писателя» (с. 3).

Вопрос о «соотношении гуманистического и аскетического идеала», о «необходимости взаимодействия или несовместимости светской и собственно духовной культур» (с. 6) мыслится автором монографии как то, что было предопределено процессами, происходившими в Древней Руси с ее принятием христианства и переходом к литературе Нового времени, столь отличным от византийского пути. Ссылаясь на наблюдения Г. П. Федотова, Е. И. Анненкова пишет о том, что Нестор, говоря о книголюбии Феодосия Печерского в его житии, о любви его к духовному просвещению, пресекал на Руси соблазн аскетического отвержения культуры (с. 10). Очень важное соображение для тех, кто ныне пытается сделать из Гоголя христианина-аскета, государственника, отказав ему в неподдельном интересе к живой жизни, красоте и проч. Пример Аввакума с его совмещением мирского сознания и сознания религиозного, Батенькова, чьи «не вполне понятные тексты» позволяют увидеть, как человек XIX века пы-

тается совместить аскетизм и гуманизм, самосознание автора и его безличность, поиск веры и желание обрести собственную, уникальную веру (с. 17), размышления И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» становятся своего рода матрицей, на фоне которой по-иному прочтутся искания и метания Гоголя и его потребность прояснить для себя «внутреннее существо „русской образованности“ и православного просвещения, столь отличного от Просвещения западного.⁵ Потребность-попытка описать Божественную литургию и тем самым включить литургию в литературное творчество, а творчеству придать литургический пафос — такова телеология, которая определяет одну из самых ярких и в смысловом отношении самых сложных глав книги: «Монашество в миропонимании Гоголя» (с. 70–86).

Что можно сказать в заключение? Перед нами книга, которая, повествуя о Гоголе, погружает нас вместе с ним в глубинные проблемы нашей истории и нашего сегодняшнего бытия. И потому, будем надеяться, способна будет увлечь не только специалиста, но и просто человека взыскующего.

⁵ Главы «От древнерусской культуры к литературе Нового времени: духовные основы и сложности эволюционного пути» и «„Древнерусская православно-христианская образованность“ в интерпретации Гоголя и Киреевского».

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-244-246

© А. М. Грачева

МАКСИМ ГОРЬКИЙ: ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО НА ФОНЕ ГЕРМАНИИ*

В настоящее время появилось много серьезных научных исследований, посвященных различным аспектам личных, творческих, политических взаимосвязей и соприкосновений писателя, журналиста, общественного деятеля Максима Горького (А. М. Пешкова) с культурами, народами, национальным наследием различных стран мира.¹ На этом фоне, несо-

мненно, актуальным и востребованным становится изучение его разносторонних контактов с общественно-политической жизнью и культурой Германии. Немецкие философские, эстетические, театральные, социально-политические теории и практики как прошлых веков, так и современности (конца XIX — первой четверти XX века) оказывали значительное воздействие на Горького. В связи с чем интерес

* А. М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / Отв. ред. О. А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 298 с.

¹ См., например: *Ариас-Вихиль М. А.* Буревестник versus Альбатрос. Французский кон-

текст творчества Максима Горького. М., 2018; А. М. Горький в Италии. К 150-летию со дня рождения писателя. СПб., 2021; *Шуган О. В.* Восток в жизни и творчестве М. Горького. М., 2023.

5. *Evstigneeva L.* Zhurnal «Satirikon» i poety-satirikontsy. M., 1968.
6. *Glukhovskaia E. A.* Intsident s Ellisom v kontekste russkogo simbolizma: k istorii odnogo (okolo)literaturnogo skandala // Russkaia literatura. 2012. № 1.
7. *Nikolaev D.* Tvorchestvo N. A. Teffi i A. T. Averchenko: Dve tendentsii razvitiia russkoi iumoristiki. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1993.
8. *Petrovskii M. S.* Master i gorod. Kievskie konteksty Mikhaile Bulgakova. Kiev, 2001.
9. *Sasha Chernyi.* Sobr. soch.: V 5 t. M., 1996. T. 3.
10. Ukazatel' zaglavii proizvedenii khudozhestvennoi literatury (1801–1975): V 7 t. M., 1986. T. 2.
11. Vospominaniia o Mikhaile Bulgakove. M., 1988.

Екатерина Евгеньевна Дмитриева

ведущий научный сотрудник Института мировой литературы
им. А. М. Горького РАН; ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ekaterina Evgen'evna Dmitrieva

Leading Researcher, Institute of Word Literature, Russian Academy of Sciences;
Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-9692-8329

katiadmitrieva@mail.ru

**ДИАЛОГ Н. В. ГОГОЛЯ С СОВРЕМЕННОКАМИ,
ИЛИ КАК СОВМЕСТИТЬ ИДЕАЛ ГУМАНИЗМА И АСКЕТИЗМА**

**N. V. GOGOL'S DIALOGUE WITH HIS CONTEMPORARIES,
OR HOW TO COMBINE THE IDEAL OF HUMANISM AND ASCETICISM**

[Рец. на:] *Анненкова Е. И.* О Гоголе и историко-литературном контексте. СПб.: Издательство «Росток», 2023. 536 с.

[Review:] *Annenkova E. I.* O Gogole i istoriko-literaturnom kontekste. SPb.: Izdatel'stvo «Rostok», 2023. 536 s.

Алла Михайловна Грачева

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alla Mikhailovna Gracheva

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-4708-098X

ichnelat@rambler.ru

**МАКСИМ ГОРЬКИЙ:
ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО НА ФОНЕ ГЕРМАНИИ**

**MAXIM GORKY: PORTRAIT OF THE UNKNOWN
WITH GERMANY AS THE BACKGROUND**